

Вячеслав МАЛЕЖИК:

Труд - 1994 - 13авг - 47

«РОК-Н-РОЛЛ Я НЕ РАЗЛЮБИЛ»

Смешно сказать: мы со Славой Малезиком знакомы четверть века. В 1970-м он пел в группе «Мозаика» — а я записывал эту веселую рок-н-ролльную команду для передачи радиостанции «Юность». Недавно обнаружил коробку со старыми записями, где из десяти песен «Мозаики» четыре были сочинены Малезиком. В том числе — «Наташка», его самый первый хит.

Сейчас Слава стал одной из звезд мелодичной, сентиментальной отечественной «попсы», кумиром прекрасной половины аудитории. Что ж, меняется музыкант, меняется и его публика...

— Слава, сейчас трудно себе даже представить Малезика — рок-н-ролльщика...

— Тем не менее начиналось все с бешеного увлечения роком: «Битлз», «Криденс», Литл Ричард, Джо Коккер, Род Стюарт... Пел их вещи. Потом в «Мозаике» мы со Славой Кеслером стали писать свои собственные песни. Причем в полной уверенности, что работаем точно под «Битлз». Каково же было мое удивление, когда чешские друзья («Мозаика» побывала по линии студенческого обмена в Чехословакии) отметили, что у нас «типично русское звучание». В те времена это выглядело почти оскорблением — вроде как нас уличили в «квасной» дорощенности... Теперь-то я вижу, что чехи были правы: более того — иметь «свое звучание» просто необходимо (чего совершенно не понимают сегодняшние девочки и мальчики из новейших групп, старательно копирующих то импортный панк, то рэп, то еще что-нибудь).

— Расскази, пожалуйста, как ты стал солистом.

— Вообще-то у нас в группе царила благородная идея равенства и братства: дескать, мы не какой-нибудь там казенный эстрадный ансамбль, у нас единая команда, где ВСЕ солисты и ВСЕ поют. Даже барабанщик. Совсем как в «Битлз»... Правда, потом оказалось, что равны-то мы равны, но некоторые главнее других. Я все-таки пел, видимо, не совсем так, как остальные. Поэтому и попал через несколько лет в профессиональный состав. В «Веселые ребята».

Многое тут для меня оказалось новым. Во-первых, никакого равенства, всем заправлял Паша Слободкин. Но зато и такать колонки никто солистов

не заставлял, на то были рабочие. В результате в моем настроении начали происходить некоторые перемены: попав в ансамбль как бы временно, чтобы заработать на приличную гитару, я все чаще стал задумываться: а стоит ли возвращаться в «Мозаику»...

Ведь в «ВР» рядом со мной оказались такие люди, как Лерман, Буйнов, Барыкин, Алешин (чуть позже еще и Бергер, Градский)... Асы! Работа шла интенсивно, халтурить было невозможно. Лишь тут я понял наконец, что такое микрофон, сценическое пространство, форма спектакля, режиссура, сценический имидж — от прически до костюма и жеста. И лишь тут встретился с нормальной концертной аудиторией. Прежде у «Мозаики» были в основном фэны, которые перемещались вслед за любимой группой с концерта на концерт, так что я даже стал различать в зале два-три десятка знакомых физиономий.

Занятное было время. Вместе со мной в «Ребятах» и других группах, где довелось петь, — «Голубых гитарах», «Пламени» — работало немало рок-музыкантов. В разговорах почти все признавались, что «пропались», пришли в ВИА за длинным рублем... Постоянно слышалось: «Вообще-то я мог бы играть музыку в духе «Пинк Флойда», «Сантаны», «Чикаго»... Иногда кое-что из этого репертуара действительно исполнялось — только звучало эпигонски. На куда более высоком уровне делал это Кузьмин, Барыкин, группа «Карнавал»... Работая в ресторанах, они сочиняли собственные вещи «под фирму». Объяснят, скажем: «Новая композиция «Бони М» — и блестяще играют свою имитацию.

Знаюки в растерянности: «Черт, а почему мы этого диска не слышали?»

Для полноты картины добавлю, что в эти же годы я попытал счастья не только как солист, но и как лидер, заимев «свою» команду — ансамбль «Таквож». Впрочем, это была не концертная, а чисто студийная группа, в состав которой входили Петя Подгородецкий (клавиши), Сергей Кудишин (гитара) ну и я сам на гитаре, баяне, губной гармошке плюс вокал.

— А потом, с середины 80-х, ты начал меняться просто на глазах. Твой основной шлягер этой поры — «Двести лет» — звучал во всех кабаках страны. Хмельной народ, прикладывая платки и повлажневшим глазам, «оттягивался» именно под него... Вообще рок-интонаций у тебя становилось все меньше, все больше — цыганщины, европейской шансон (иногда ты совсем близко подходишь к Джо Дассену), появились даже бардовские мотивы. В целом музыка стала проще, сердечнее и сентиментальнее.

— Конечно, ведь годы шли, я становился старше, зрелее и... благополучнее. «Рок-н-ролльный протест», вздумай я его изобразить, наверняка выглядел бы теперь фальшиво. Да и не только я, заметь, сегодня уже почти никто из той, первой рок-волны проклятий больше не изрыгает. Посмотри, какими уважаемыми господами

стали Градский, Макаревич, Гребенщиков... Ладно, согласен даже на такое определение: я «обуржуазился». И тем не менее не оставляет ощущение, что и я сам, и состояние моей души кому-то интересны. Зрителя я не потерял. Наоборот, нашел — нового.

Романские интонации, говорись, появились? Да я сейчас именно к ним и стремлюсь. Чувствую себя, как бы это поточнее выразиться... по-современному старомодным. Правда, время от времени врубаю по старой памяти рок-н-ролл или блюз. Если ты начинал с такой музыки, то любовь к ней — навсегда. Но я не хочу теряться в потоке бесчисленных рок-н-ролльных имитаций. На Западе, кстати, все это существует рядом — простое и сложное, архаика и последний крик моды. Палитра стилей гораздо шире, чем у нас, где на сцене либо слащавый попсовик, либо хмурый рокер, либо агрессивный панк...

— Что же предлагаешь публике лично ты, Вячеслав Малезик?

— То, чего она ждет от меня. Люди как бы сами выбрали в моем репертуаре то, что им ближе. И, кстати, именно это лучше всего у меня получается.

В менеджменте существует такой прием: видеотренинг. Человека снимают видеокamerой, а потом показывают ему: посмотри, какой ты со стороны. Как ходишь, говоришь, как на тебе сидит пиджак. Мне, например, долго казалось, что я эталит крутой, жесткий малый: хриловатый голос, мощная энергетическая подача. А оказалось в конце концов, что у меня лучше получается лирика.

Вот ты говоришь, я сентиментален. Хорошо. Пусть даже надругав. Знаешь, кто в этом повинен? Редакторы телевидения. Из многообразия всего моего артистического спектра они вычленили именно эти краски и создали телеобраз такого вот Малезика — простого, душевного, в меру старомодного: «Фата-Моргана», «Новогодняя ночь», «Зевакино», «Любовь — река», «Переправа»... А после песни «Мадам» у меня появи-

лась новая группа слушателей — женщины, скажем так, за тридцать: «Виноват, мадам, винсват, не сберег я вас в вихре дней. У меня глаза — на закат. А у вас — на рассвет...» Женщинам нашим живется трудно. И не только в материальном плане, но и чисто по-человечески. Наши мужчины — все, и я в том числе, — перед ними в огромном долгу. Я в этой песне как бы приношу свои извинения от лица нас, грешного и невнимательного рода мужского.

— Ты все время на гастролях. В каком-то смысле держишь руку на пульсе страны, как врач. Что сейчас нужнее всего твоим слушателям?

— Трудно сказать — сколько людей, столько вкусов. Но вообще-то ответ очевиден: все тянется к стабильности, вечным ценностям — семье, любви. Хотят во что бы то ни стало обрести веру (частенько лоясь при этом на удочку ложных пророков, музыкальных и всяких). В общем, мой слушатель ждет, чтобы его убаюкали, утешили, развлекли, нащептали на ушко какие-то милые глупости. Рассказали красивую сказку.

— Прежде ты гастролировал по Союзу, сейчас — по независимым государствам. Как принимаются?

— Ну во-первых, езжу я теперь избирательно: в Армению, Грузию, Азербайджан, Таджикистан, например, уже не сунешься — голову оторвут. В других республиках хоть внешне и спокойнее, но тоже чувствуется: не все благополучно. На моих концертах я встречаю преимущественно тех, кого там именуют русскоязычными. Конечно, они приходят послушать музыку, но я-то знаю: им еще и речь родную приятно лишней раз услышать...

— Слава, а теперь попробуй поиграть в предсказателя. Что нас ждет в песне в ближайшие годы?

— У меня такое ощущение, что появилась ностальгия по мелодиям времен «зрелого застоя». Я вижу, например, как реанимируется репертуар Ободзинского, Киркоров поет «Эти глаза напротив». Думаю, что вполне возможен ренессанс репертуара Льва Лещенко... Жизнь еще раз дает нам понять, что новое — хорошо забытое старое, и поп-музыка тому едва ли не лучшее подтверждение.

Вел беседу
Аркадий ПЕТРОВ.